

22 ОКТ 1982

ЗАВТРА ПИСАТЕЛЮ В. И. БЕЛОВУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 50 ЛЕТ

МУЖЕСТВО ТАЛАНТА

Михаил ЛОБАНОВ

Когда двадцать лет тому назад появились первые рассказы Василия Белова, то мало кто мог думать, знаком каких перемен им предназначено быть в литературе. Чувствовался еще в этих рассказах лирический почерк автора, пишущего стихи (Белов начинал как поэт, незадолго до этого закончил Литературный институт имени А. М. Горького, где занимался в семинаре поэзии), но уже и было в них нечто от того реализма, который вскоре завладеет беловской прозой и сдвигает ее фактом самой жизни. Главное было в том, что Белов осознал свое писательское призвание в духе традиций великой русской литературы, «неподкупный голос» которой всегда был «эхом русского народа».

Ничто в общественной, народной жизни не возникает случайно, само собою, а подготавливается предшествующими обстоятельствами, всем ходом событий. И судьба деревни, всегда возмущавшая писателя, послевоенное и современное положение в ней не могут быть по-настоящему поняты в отрыве от прошлого, отделившегося от нас десятилетиями. Так родились «Кануны» Белова, время действия которых относится к концу двадцатых годов, а точнее — к 1928 году, к самому «кануну» создания колхозов.

В «Канунах» в деревне — еще «праздничный человеческий гомон», сотни голосов, «отдельно и артелями» поющих, хохочущих, кричащих, сливающихся в «одни сплошной, словно всеветный гул»; еще гулялки, игры, «листки», простодушие молодежи, то доброе, что было в крестьянских традициях. Но никакой при этом архаичности в описании, никакого умиления со стороны автора. До умиления ли ему, писателю, прекрасно знающему реальную историю русской деревни. В нем, в этом прошлом деревни заявляются узлы, которые будут иметь глубокое последствие — и не только для нее, в этом современность интересов автора. Это — в сквозной идее «хроники», в основе ее сюжета, судеб героев. Энергия именно современной мысли и дает такую действительную образность, не допускающую никакой фальши, обращает все изображаемое — от характеров до бытовых картин — в движущийся образ исторической деревни, иногда затрудненный в чтении (по концентрации языка), но всегда пластичный и развивающийся. В известном смысле это история самосознания русской деревни, выводящая ее из узких временных рамок и связывающая ее самым прямым образом с прошлым и будущим.

В сценах, лаконичных, туго свернутых, как пружина, много скрытого и вырывающегося драматизма. И в полную силу, в крайней своей форме он проявляется в отношениях между собою главных героев «хроники» Павла Рогова и Игнатия Сопронова, в их схватке.

«Кануны» были написаны в 1974 году, уже позднее многих рассказов Белова и его знаменитой повести «Привычное дело». Эта «хроника» как бы предваряет по времени действия все другие произведения писателя и воспринимается органично в составе их — по проблематике своей, кругу изображаемых лиц, по характеру авторского отношения к жизненным явлениям, событиям — такова цельность творчества писателя Белова.

На рассказах Белова лежит печать своего времени, начиная от первых послевоенных лет, памятных ему как подростку. По беловскому рассказу «Весна» наши потомки будут судить о правде времени — чего стоила деревне, народу первая послевоенная весна (как по рассказу Андрея Платонова «Возвращение» будут знать, как тяжело, разрушительно повлияла война на семью).

Самые излюбленные, самые дорогие для писателя герои его рассказов — это, конечно, крестьяне, люди из народа, ко-

торые дали ему много как художнику и которым он, как благодарный сын (а способность к благодарности отличает душу возвышенную от ничтожной) отвечает глубокой привязанностью.

Эти люди незаменимы для писателя и как живой источник разговорной народной речи, которая много значит для такого художника, как Белов, в самом его образно-языковом постижении мира.

Как колоритен, своеобразен язык героев Белова, так оригинальны их характеры. Собственно, это и делает их предметом такого любовного внимания писателя, ибо кого же может вдохновить безликое, унифицированное в людях, лишнее характерности, своеобычности? Из этих живых характеров, из их бытовых взаимоотношений и вырастает содержательность, которая приобретает социально-общественный смысл.

Если говорить об интеллектуальности подлинной, а не мнимой (в смысле самостоятельного мировоззрения, жизненного, а не отвлеченного самосознания), то это качество в высшей степени присуще Белову-художнику. В лучших рассказах его есть то чутье времени, которое делает любую тему общезначимой, как бы выводящей ее в центр современных интересов. Таков рассказ «За тремя волоками». Добравшийся четверо суток до родной деревни майор видит, потрясенный, что нет Каравайки, на том месте, где когда-то была она, теперь кругом трава и поле. «Каравайки больше не было на земле». Нет, это не просто деревня, а часть души спелена, самое сокровенное в ней, связанное с родным домом, с детством, то, чем она жила, даже вроде бы и не думая о том — но до поры до времени, до того часа, когда надо было пригнать к этой святыне, чтобы набраться новых сил, чтобы жить дальше — и без этого нет этой будущей жизни. Такое же потрясение может пережить человек, потерявший не только «малую», но вообще и «большую» Родину, лишившийся вдруг самого дорогого, заветного в жизни.

Нет, это не только Каравайка исчезла. Такое же щемящее чувство во «Сне смешного человека» Достоевского, в фантастическом, а по сути реальном переживании его героя, удаляющегося в бесконечные пространства Вселенной от навсегда покинутой, исчезнувшей милой Земли, ностальгией о которой «грезит сердце». Так в наше время и безгранично раздвигающихся пространств и возможных непредвиденных катастроф на земле до предела обостряется и наше ощущение ее как родного пристанища, все той же маленькой Каравайки, обжитой человечеством. И можно без преувеличения сказать — кому невнятна эта исчезающая Каравайка (и оттого эта боль майора) — тому невнятно вообще ничего на земле. Так все действительно взаимосвязано в современном мире, может быть, именно в таких Каравайках и виднее всего сущность современного мира.

Сила Белова-рассказчика именно в подобных ситуациях, родственных ему духовно и нравственно, образованных его (ведь у каждого есть эта среда). Каждый художник формируется в сокровенных для него «ситуациях». Жизнь и творчество, например, русского Шолохова, американца Фолкнера, французского Мориака связаны с провинцией, где каждый из них и жил, и творил на «местном» же материале, но это не мешало им быть писателями с мировой известностью.

Жизненная правда, став главным ориентиром художника, придает психологическую убедительность и обобщающее значение его образам, характерам. Это показали лучшие из первых же рассказов писате-

ля, и особенно впервые принесшая ему большую известность повесть «Привычное дело». Когда-то, в середине прошлого века, Тургенев в «Дворянском гнезде» изобразил, как вернувшийся из-за границы Лавредейский ощущает деревенскую, народную жизнь, как будто он попал на дно реки — так все здесь неколебимо, устойчиво, тихо, вечно и не дождает, не доходит сюда ничего суетного, страстно-мелкого из внешнего мира. В «Привычном деле» нет этого укрытого от мира «дна реки», здесь «ветрено» всюду (в поэзии часто повторяется это «ветрено», «ветрено», как уже какое-то состояние целого мира, не только деревни, не только героя), да и река взбаламучена от поверхности до дна, все переворочено. И все же в мире этой «ветренности», этой житейской перевороченности, строгости с места, дорожности быта, поездок (деревенский домосед Иван Африканович тоже поддается этому, едет в Мурманск плотничать, «деньжонки подзаработать») — есть что-то покоящееся основательно и твердо, несмотря на всю тряску, даже лихорадку бытовую, есть какая-то основа жизни. Жизнь, если не как на дне реки, то на какой-то глубинной основе, на тверди, неколебимой той окружающей лихорадкой.

Едут сюда уполномоченные, дают указания, уезжают, а здесь твердь. Дети, которых надо растить (если даже и умирает мать), тайком косяба сена и ответ на это; и разрешенные почные же покосы («десять процентов»), выматывающие силы женщины; молитва бабки, справки, дающие человеку право на паспорт и отпускающие его на все четыре стороны; поездки в северный город за заработком, возвращение, смерть жены и заботы тех, кому надо жить... «Дело привычное». И зло — тоже «дело привычное», что бы ни случилось, что бы ни ожидало в жизни — все «дело привычное». Здесь привычно и то, что непривычно где-либо в другом месте, в другом мире.

Мы не будем здесь останавливаться на цельности характера Ивана Африкановича, передаваемой через кружные его душевные движения (и в этом особенность психологизма в «Привычном деле»), на его любви к жене — Катерине, удивительной по силе чувства и сдержанности его выражения. Можно было бы много сказать о таком, полном глубокого смысла и содержания эпизоде, как блуждания Ивана Африкановича в лесу, когда все в нем, заблудившемся, сосредоточивается на итоте прожитого. И подобно тому, как для него спасительным стал с трудом пробившийся из-за сплошных туч на землю солнечный свет («теперь он знает, куда надо идти») — так наступает для него выход из заштанности (не только в лесу) — к свету жизни. Здесь бытовое переходит уже в символическое — художественная смелость, доступная далеко не всякому и художнику (символически, хотя и с некоторой заостренностью в «Канунах» — приезд в деревню коновалов, жестоко выходящих из жеребца, как бы опустошающих тем самым саму деревню). И этот представленный символически в «Привычном деле» выход к свету очень важен не только в жизни Ивана Африкановича, но и в судьбе такого же духовного типа людей, как он. В этом и суть проблемы. Без этого выхода, в одной только эмпирике, практицизме интересов и целей слабнет, утрачивает свое значение этот тип. Образ Ивана Африкановича дает богатый материал для размышления о русском национальном характере, его состоянии в настоящее время, путях его самосознания.

Известен Василий Белов и как драматург. С каждой новой пьесой он добивается все

большей реалистичности, и об этом свидетельствует последняя его пьеса «По 206-й», недавно поставленная одним из московских театров. Глядя этот спектакль (я сам был этому свидетелем), зрители радуются языку, юмору, следят за характерами, за истинно жизненными сценами, конфликтами и т. д. То, что такой художник слова, как Белов, обратился к драматургии — это благо для театра. Это очень важно, учитывая, как много в современном репертуаре поделок, безжизненных и безличных. Можно без преувеличения сказать, что лучшие пьесы Белова оздоравливают современный репертуар, вносят в него свежее чувство реальной жизни.

Мы подошли к последней значительной работе В. Белова — к его «Лад», названному самим писателем «отчерками о народной эстетике». Книга эта, как и его «Привычное дело», «Плотничьи рассказы», стала событием в нашей литературной жизни. Необычная, казалось бы, тема для такого современного писателя, как Белов, но именно только глубокий современный писатель и мог «заболеть» ею (хотя это слово и не подходит для такого духовно здорового художника, как Белов). Это, конечно же, тот мир, погружение в который так много говорит нравственным и эстетическим идеалам автора. Мир тысячелетней крестьянской культуры во всех ее видах и проявлениях, в разумности земледельческого труда и красоте промыслов, в бытовом укладе и искусстве народных мастеров, в ее обычаях, верованиях, устойчивости «жизненного круга» человеческой жизни и т. д. Это маленькая энциклопедия народной жизни, культуры, пропущенная через призму и личного авторского опыта и его социально-исторических размышлений.

Собственно, это не только «народная эстетика». У Белова мир бесконечно разнообразный, целостный. В нем царствует целесообразность, лад, а не разлад. И это главное. Если будет лад в главном — и все будет ладно. Без этого лада неизбежен хаос, распад как в быту, так и в мировосприятии, в человеческой психологии. В этом — современность идеи «Лада». Так из бытового, крестьянского вырастает бытийное, общечеловеческое.

Да, Белов жаждет этого лада в народной жизни, это видно и по тем элементам идеальности, какими наделяются им его любимые герои. И самое поразительное, может быть, это то, что, несмотря на все пережитое, на все выпавшие испытания, сколько еще нравственного запаса в деревне, в ее людях. Откуда бы? И так же поразительно — сколько отклика в душе писателя, сколько любви, сострадания, восхищения вызывают в нем эти люди. И в этом — глубочайшая ценность работы Василия Белова — целостность эстетическая, как никогда, может быть, актуальная в литературе, да и в самой жизни.

Василию Ивановичу Белову исполняется 50 лет. Он многое сделал для отечественной литературы, но еще больше от него можно ждать. Недавно в беседе с редактором одного из журналов он говорил о важности для писателя, для таланта такого свойства характера, как мужество. «Наступили времена, когда без этого свойства совершенно бесплодными оказываются самые богатые природные способности». Это действительно необходимо, как никогда.

Мне пришлось видеть, как выступал, «отчитывался» Белов перед своими земляками — читателями в Вологде. Он сидел за столом, с нехолодной по-крестьянски бородой, с горящими глазами. Потом, уже на трибуне, не думая ни о каком эффекте, красноречив, стал говорить о том, что его больше всего волнует, тяготит, о головотыпстве в хозяйстве и природе, о судьбе северных рек, ставших предметом сомнительных проектов. «Это безнравственно и бесперспективно», — закончил он твердым голосом.

О творчестве же самого Белова, о его гражданском мужестве можно сказать так: это и нравственно, и перспективно! Неразделимость этих понятий всегда в конце концов подтверждалась в русской литературе, как и в самой бессмертной народной жизни.